

КНИГА ДЛЯ ВСЪХЪ

№ 66-67.

Н. ГУМИЛЕВЪ

ЖЕМЧУГА

БЕРЛИНЪ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЫСЛЬ»

Издательство „Мысль“
Verlag „Mysl“ G.m.b.H., Berlin, Friedrichstr. 204.

ОБЩЕДОСТУПНАЯ БИБЛИОТЕКА
КНИГА ДЛЯ ВСѢХЪ

№ 1. Изъ русскихъ поэтовъ. (Бальмонтъ, Брюсовъ, Блокъ, Сологубъ, Мережковскій).

№ 2-3. Поэзія большевистскихъ дней. (Блокъ, Эренбургъ, Есенинъ, Каменскій и др.).

№ 4. Л. Толстой. Алеша Горшокъ. — Послѣ бала. — Что я видѣлъ во снѣ. — Отъ ней всѣ качества.

№ 5. Ф. Достоевскій. Чужая жена и мужъ подъ кроватью.

№ 6. И. Крыловъ. Избранныя басни.

№ 7. Гр. Ал. К. Толстой. Исторія Россіи отъ Гостомысла. — Сонъ статского совѣтника Попова. — Потокъ - богатырь.

№ 8. Ив. Шмелевъ. Сладкій мужикъ. —

№ 9-10. Гр. Ал. К. Толстой. Смерть Іоанна Грознаго.

№ 11. Ф. Достоевскій. Скверный анекдотъ.

№ 12. Тэффи. Сокровище земли.

№ 13. Н. В. Гоголь. Петербургскіе разсказы.

№ 14-15. А. С. Пушкинъ. Исторія пугачевскаго бунта.

№ 16. А. М. Дроздовъ. Распятіе.

№ 17. Изъ русской лирики. (А. Бѣлый, З. Гиппіусъ, С. Городецкій, М. Лохвицкая, Игорь Сѣверянинъ.)

КНИГА ДЛЯ ВСЪХЪ.

№ 66-67.

Н. ГУМИЛЕВЪ

ЖЕМЧУГА

Издательство „МЫСЛЬ“
БЕРЛИНЪ
1921

Druck von Hempel & Co. G. m. b H., Berlin. SW. 68. Zimmerstr. 7/8

Наборъ типографіи Г. А. Гольдберга.

*Посвящается моему учителю
Варепію Брюсову.*

ЖЕМЧУГЪ ЧЕРНЫЙ

Qu'ils seront doux les pieds de celui qui viendra
Pour m'annoncer la mort?..

Alfred de Yigny.

ВОЛШЕБНАЯ СКРИПКА.

Милый мальчикъ, ты такъ веселъ, такъ свѣтла
твоя улыбка,
Не проси объ этомъ счастьѣ, отправляющемъ
міры,
Ты не знаешьъ, ты не знаешьъ, что такое эта
скрипка,
Что такое темный ужасъ начинателя игры!

Тотъ, кто взялъ ее однажды въ повелительныя
руки,
У того исчезъ навѣки безмятежный свѣтъ очей;
Духи ада любятъ слушать эти царственные
звуки,
Бродятъ бѣшенные волки по дорогѣ скрипачей.

Надо вѣчно пѣть и плакать этимъ струнамъ,
звонкимъ струнамъ,
Вѣчно долженъ биться, виться обезумѣвшій
смычокъ,
И подъ солнцемъ, и подъ выюгой, подъ
бѣлѣющимъ буруномъ,
И когда пылаетъ западъ, и когда горить
востокъ.

Ты устанешь и замедлишь, а на мигъ прервется
пѣнье,
И ужъ ты не сможешьъ крикнуть, шевельнуться
и вздохнуть, —
Тотчасъ бѣшенные волки въ кровожадномъ
изступлены

Въ горло вцѣпятся зубами, встануть лапами
на грудь.

Ты поймешь тогда, какъ злобно на смѣялось все,
что пѣло,
Въ очи глянетъ запоздалый, но властительный
испугъ.
И тоскливыі смертныі холодъ обовьетъ, какъ
тканьюо, тѣло,
И невѣста зарыдаетъ и задумается другъ.

Мальчикъ, дальше! Здѣсь не встрѣтишь ни
веселья, ни сокровищъ!
Но я вижу, ты смѣешься, эти взоры — два
луча.
На, владѣй волшебной скрипкой, посмотри въ
глаза чудовищъ
И погибніи славной смертью, страшной смертью
скрипача!

ОДИНОЧЕСТВО.

Я спалъ, и смыла пѣна бѣлая
Меня съ родного корабля,
И въ черныхъ водахъ, помертвѣлая,
Открылась мнѣ моя земля.

Она полна конями быстрыми
И краснымъ золотомъ пещеръ,
Но нынѣ вспыхиваютъ искрами
Глаза блуждающихъ пантеръ.

Тамъ травы славятся узорами
И рѣки, словно зеркала,
Но рощи полны мандрагорами
Цвѣтами ужаса и зла.

На синевато-бѣломъ мраморѣ
Я высоко вздигъ маякъ,
Чтобъ пробѣгающіе на морѣ
Далеко видѣли мой стягъ.

Я предлагалъ имъ перья страуса,
Плоды, коралловую нить,
Но не одинъ стремленья паруса
Не захотѣлъ остановить.

Всѣ чтили древняго оракула
И приговоръ его суда
О томъ, что вѣчно сердце плакало
У всѣхъ, заброшенныхъ сюда.

И надо мною одиночество
Возносить огненную плеть
За то, что древнее пророчество
Мнѣ суждено преодолѣть.

КАМЕНЬ.

А. И. Гумилевой.

Взгляни, какъ злобно смотритъ камень,
Въ немъ щели странно глубоки,
Подъ мхомъ мерцаеть скрытый пламень;
Не думай, то не свѣтляки!

Давно угрюмые друиды,
Сибиллы хмурыхъ королей,
Отмстить какія-то обиды
Его призвали изъ морей.

Онъ вышелъ черный, вышелъ страшный,
И вотъ лежитъ на берегу,
А по ночамъ ломаетъ башни
И мстить случайному врагу.

Летить пустынными полями,
За кустъ приляжетъ, подождетъ,
Сверкнетъ огнестыми щелями
И снова бросится впередъ.

И рѣдко кто-бы могъ увидѣть
Его ночной и тайный путь,
Но берегись его обидѣть,
Случайно какъ-нибудь толкнуть.

Онъ скроетъ жгучую обиду,
Глухое бѣшенство угрозъ,
Онъ промолчитъ и будетъ съ виду
Недвиженъ, какъ простой утесъ.

Но гдѣ бы ты не скрылся, спящій,
Тебѣ его не обмануть,
Тебя отыщетъ онъ, летящій,
И дико ринется на грудь.

И ты застонешь въ изумленыи,
Завидя блескъ его огней,

Заслыша шумъ его паденья
И жалкій трескъ твоихъ костей.

Горячей кровью пьяный, сытый,
Лишь утромъ онъ оставитъ домъ.
И будетъ страшенъ трупъ забытый,
Какъ песь, раздавленный быкомъ.

И, миновавъ поля и нивы,
Вернется къ берегу онъ вновь,
Чтобъ смыли вѣрные приливы
Съ него запекшуюся кровь.

ОДЕРЖИМЫЙ.

Луна плыветъ, какъ круглый щитъ
Давно убитаго героя,
А сердце ноетъ и стучитъ,
Уныло чуя роковое.

Чрезъ дымный лугъ, и хмурый лѣсь,
И угрожающее море
Бредеть съ копьемъ на перевѣсъ
Мое чудовищное горе.

Напрасно я спѣшу къ коню,
Хватаю съ трепетомъ поводья
И, обезумѣвшій, гоню
Его въ ночныхъ половодья.

Въ болотѣ темномъ дикій бой
Для всѣхъ останется невѣдомъ,
И верхъ одержитъ надо мной
Привыкшій къ сумрачнымъ побѣдамъ:

Мнѣ сразу въ очи хлынетъ мгла.
На полномъ, бѣшенному галопѣ
Я буду выбитъ изъ сѣдла
И покачусь въ ночныхъ топи.

Какъ будетъ страшенъ этотъ часъ!
Я буду скатъ доспѣхомъ тѣснымъ,
И, какъ всегда, о „coup de grace“
Я возоплю предъ неизвѣстнымъ.

Я угадаю шагъ глухой.
Въ невѣрной мглѣ ночного дыма,
Но, какъ всегда, передо мной
Пройдетъ невѣдомое мимо...

И утромъ встану я одинъ,
А дѣвы, рады играмъ вешнимъ,
Шепнутъ: «Вотъ странный палладинъ
Съ душой, измученной нездѣшнимъ».

ПОЕДИНОКЪ.

Въ твоемъ гербѣ невинность лилій,
Въ моемъ — багряные цвѣты.
И близокъ бой, рога завыли,
Сверкнули золотомъ щиты.

Идемъ, и каждый взглядъ упоренъ,
И ухо ловить каждый звукъ,
И серебромъ жемчужныхъ зеренъ
Блистаютъ перевязи рукъ.

Я вызванъ былъ на поединокъ
Подъ звоны трубновъ и литавръ
Среди смыющихся тропинокъ,
Какъ тигръ въ саду — угрюмый мавръ.

Ты — дѣва-воинъ пѣсенъ давнихъ,
Тобой гордятся короли,
Твое копье не знаетъ равныхъ
Въ предѣлахъ моря и земли.

Страшна борьба межъ днемъ и ночью,
Но Богомъ намъ она дана,
Чтобъ люди видѣли воочью
Кому побѣда суждена.

Клинки столкнулись — отскочили,
И войско въ трепетѣ глядитъ,
Какъ мы схватились и застыли:
Ты — гибкость стали, я — гранитъ.

Меня слѣпитъ твой взглядъ упорный,
Твои сомкнутыя уста,
Я задыхаюсь въ муки черной,
И побѣждаетъ красота.

Я паль... и молніи побѣднѣй
Сверкнулъ и въ тѣло впился ножъ...

Тебъ восторгъ — мой стонъ послѣдній,
Моя прерывистая дрожь.

И ты уходишь въ славъ ратной,
Толпа поетъ тебъ хвалы,
Но ты воротишься обратно,
Одна, въ плащѣ весенней мглы.

И, подъ равниной дымно-бѣлой,
Мерцая шлемомъ золотымъ,
Найдешь мой трупъ окоченѣлый
И снова склонишься надъ нимъ.

«Люблю! О, помни это слово,
Я сохранию его всегда,
Тебя убила я живого,
Но не забуду никогда».

Лучи, сокройтесь назадъ вы...
Но заалѣла пѣна рѣкъ,
Уходишь ты, съ тобою клятвы
Ненарушимыя во вѣкъ.

Еще не умеръ звукъ рыданій,
Еще шуршитъ твой бѣлый шелкъ,
А ужъ ко мнѣ ползетъ въ туманѣ
Нетерпѣливо-жадный волкъ.

ВЪ ПУСТЫНЪ.

Давно вода въ мѣхахъ изсякла,
Но, какъ собака, не умру:
Я въ память дивнаго Геракла
Сперва отдамъ себя костру.

И пусть, пылая, жалять сучья,
Грозить чернѣющій Эребъ,
Какое странное созвучье
У двухъ враждующихъ судебъ!

Онъ былъ героемъ, я — бродягой,
Онъ — полубогъ, я — полузвѣрь,
Но съ одинаковой отвагой
Стучимъ мы въ замкнутую дверь.

Предъ смертью всѣ, Терсигъ и Гекгоръ,
Равно ничтожны и славны,
Я также выпью сладкій нектаръ
Въ поляхъ лазоревой страны.

ПОРТРЕТЪ МУЖЧИНЫ.

(Картина въ Луврѣ, работы неизвѣстнаго)

Его глаза — подземныя озера,
Покинутые, царскіе чертоги,
Отмѣченъ знакомъ высшаго позора,
Онъ никогда не говорить о Богѣ.

Его уста — пурпуровая рана
Отъ лезвія пропитаннаго ядомъ,
Печальныя, сокнувшіяся раны,
Они зовутъ къ непознаннымъ усладамъ.

И руки, блѣдный мраморъ полнолуній,
Въ нихъ ужасы неснятаго проклятья,
Они ласкали дѣвшекъ-колдуній
И вѣдали кровавыя распятья.

Ему въ вѣкахъ достался странный жребій
Служить мечтой убійцы и поэта,
Быть можетъ, какъ родился онъ, на небѣ
Кровавая растаяла комета.

Въ его душѣ столѣтія обиды,
Въ его душѣ печали безъ названья,
За всѣ сады Мадонны и Киприды
Не промѣняетъ онъ воспоминанья.

Онъ злобенъ, но не злобой святотатца,
И нѣженъ цвѣтъ его атласной кожи.
Онъ можетъ улыбаться и смѣяться,
Но плакать. Плакать больше онъ не
можетъ.

ОСНОВАТЕЛИ.

Ромуль и Ремъ взошли на гору,
Холмъ передъ ними былъ глухъ и нѣмъ;
Ромуль сказалъ: «Здѣсь будетъ городъ».
«Городъ, какъ солнце», отвѣтилъ Ремъ.

Ромуль сказалъ: «Волей созвѣздій
Мы обрѣли нашъ древній почетъ».
Ремъ отвѣчалъ: «Что было прежде
Надо забыть, глянемъ впередъ».

«Здѣсь будетъ циркъ», промолвилъ Ромуль,
«Здѣсь будетъ домъ нашъ, открытый всѣмъ».
— «Но надо поставить ближе къ дому
Могильные склепы», отвѣтилъ Ремъ.

ВЫБОРЪ.

Созидающій башню сорвется,
Будеть страшень стремительный летъ,
И на днѣ мірового колодца
Онъ безумье свое проклянетъ.

Разрушающій будетъ раздавленъ,
Опрокинутъ обломками плитъ,
И, Всеvidящимъ Богомъ оставленъ,
Онъ о мукѣ своей возопитъ.

А ушедшій въ ночные пещеры,
Или къ заводямъ тихой рѣки
Повстрѣчаетъ свирѣпой пантеры
Наводящіе ужасъ зрачки.

Не избѣгнешь ты доли кровавой,
Что земнымъ предназначила твердь.
Но, молчи! Несравненное право
Самому выбирать свою смерть.

ЛѢСНОЙ ПОЖАРЪ.

Вѣтеръ гонитъ тучу дыма,
Словно грузнаго коня,
Вслѣдъ за нимъ неумотимо
Встало зарево огня.

Только въ рѣдкіе просвѣты
Темно-бурыхъ тополей
Видно розовые свѣты
Обезумѣвшихъ полей.

Ярко вспыхиваетъ маисъ,
Съ острымъ запахомъ смолы
И, шипя и разгораясь,
Въ пламя падаютъ стволы.

Рѣзкій грохотъ, тяжкій топотъ,
Вой, мычанье, визгъ и ревъ,
И зловѣще-тихій ропотъ
Закипающихъ ручьевъ.

Вонъ несется слонъ — пустынникъ,
Левъ стремительно бѣжитъ,
Обезьяна держитъ финикъ
И пронзительно визжитъ.

Съ вепремъ, стиснутый бокъ-о-бокъ,
Легкій волкъ, душа ловитъ,
Зубы бѣлы, взоръ не робокъ —
Только время не для битвъ.

А за ними въ дымныхъ пущахъ
Льется новая волна
Опаленныхъ и ревущихъ...
Какъ назвать искъ имена?

Словно тамъ, подъ сводомъ ада,
Дьяволъ щелкаетъ бичомъ,
Чтобы грѣшниковъ громада
Вышла бѣшеннымъ смерчомъ.

Все страшнѣй въ ночи безсонной,
Все быстрѣе дикій бѣгъ,
И, огнями ослѣпленный,
Черной кровью обагренный,
Первымъ гибнетъ человѣкъ.

ЦАРИЦА.

Твой лобъ въ кудряхъ отлива бронзы,
Какъ сталь глаза твои остры,
Тебѣ задумчивые бонзы
Въ Тибетѣ ставили костры.

Когда Тимуръ въ унылой злобѣ
Народы бросилъ къ ихъ метѣ,
Тебя несли въ пустыняхъ Гоби
На боевомъ его щитѣ.

И ты вступила въ крѣпость Агры,
Свѣтла, какъ древняя Лилитъ,
Твои веселые онагры
Звенѣли золотомъ копыть.

Былъ вечеръ тихъ. Земля молчала,
Едва вздыхали цвѣтники,
Да отъ зеленаго канала,
Взлетая, рѣяли жуки.

И я слѣдилъ въ тѣни колонны
Черты алмазнаго лица
И ждалъ, колѣнопреклоненный,
Въ одеждѣ розовой жреца.

Узорный лугъ въ дугу былъ согнуть,
И, вольность древнюю любя,
Я зналъ, что мускулы не дрогнутъ
И остріе найдетъ тебя.

Тогда бы вспыхнуло былое:
Князей торжественный приходъ,
И пляски въ заросляхъ алоэ
И дни веселые охотъ.

Но ротъ твой, вырѣзанный строго,
Таилъ такую смѣну мукъ,
Что я въ тебѣ увидѣлъ бога
И робко выронилъ свой лукъ.

Толпа рабовъ ко мнѣ метнулась,
Тѣснясь, волнуясь и крича,
И ты лѣниво улыбнулась
Стальной сѣкирѣ палача.

ТОВАРИЩЪ.

В. Ю. Эльснеру.

Что-то подходитъ близко, вѣрно,
Холодъ томящій въ грудь проникъ,
Каждою ночью въ тьмѣ безмѣрной
Я вижу милый, странный ликъ.

Старый товарищъ, древній ловчій,
Снова встаешь ты съ ночного дна,
Тигра смѣлъе, барса ловче,
Сильнѣе грузнаго слона.

Помню, все помню; какъ забуду
Рыжія кудри, крѣпость рукъ,
Мечъ твой, вносишій гибель всюду,
Изъ рога турьаго твой лукъ?

Помню и волка; съ нами въ мирѣ
Вмѣстѣ бродилъ онъ, вмѣстѣ спалъ,
Вечеромъ я игралъ на лирѣ,
А онъ тихонько подвывалъ,

Что же случилось? Чьею властью
Вытоптанъ былъ нашъ дикій садъ?
Раненый коршунъ, темной страстью
Товарищъ дивный былъ объятъ,

Спутанно помню — кровь повсюду,
Душу гнетущій мертвый страхъ,
Ночь, и героеvъ павшихъ груду,
И трупъ товарища въ волнахъ.

Что же теперь, сквозь рядъ столѣтій
Выступилъ ты изъ смертныхъ чащъ,
Въ смуглыхъ ладоняхъ лукъ и сѣти
И на плечахъ багряный плащъ?

Сладостной вѣрю я надеждѣ,
Лгать не умѣютъ сердцу сны,
Скоро пройду съ тобою, какъ прежде,
Въ поляхъ невѣдомой страны.

ВЪ БИБЛИОТЕКЪ.

М. Кузмину.

О, пожелтѣвши листы
Въ стѣнахъ вечернихъ библіотекъ,
Когда раздумья такъ чисты,
А пыль пьянѣе, чѣмъ наркотикъ!

Мнѣ нынче труденъ мой урокъ,
Куда отъ странной грезы дѣться,
Я отыскалъ сейчасъ цвѣтокъ
Въ процессѣ древнемъ Жиль де Реца.

Изрѣзанъ сѣтью блѣдныхъ жиль,
Сухой, но тайно благовонный...
Его, навѣрно, положилъ
Сюда какой-нибудь влюбленный.

Еще отъ алыхъ женскихъ губъ
Его пылали жарко щеки,
Но взоръ очей уже былъ тупъ
И мысли холодно — жестоки.

И вѣрно дьявольская страсть
Въ душѣ вставала, слозно пѣнье,
Что даръ любви, цвѣтокъ, увяеть
Былъ брошенъ въ книгѣ преступленья.

И послѣ, тамъ въ тѣни аркадъ,
Въ великолѣпны иочи дивной
Кого замѣтилъ тусклый взглядъ,
Чей крикъ послышался призывный?

Такъ много тайнъ хранилъ любовь,
Такъ мучатъ старыя гробницы!

Мнѣ ясно кажется, что кровь
Пятнаетъ многія страницы.

И тернъ сопутствуетъ вѣнцу,
И бремя жизни злое бремя...
Но что до этого чтецу,
Неутомимому, какъ время!

Мои мечты... онѣ~ чисты,
А ты, убійца дальній, кто ты?!

О, пожелтѣвшіе листы,
Шагреневые переплеты!

ВЪ ПУТИ.

Кончено время игры,
Дважды цвѣтамъ не цвѣсти,
Тѣнь отъ гигантской горы
Пала на нашемъ пути.

Область унынья и слезъ —
Скалы съ обѣихъ сторонъ
И оголенный утесъ,
Гдѣ распростерся драконъ.

Острый хребетъ его крутъ,
Вздохъ его — огненный смерчъ, —
Люди его назовутъ
Сумрачнымъ именемъ: Смерть.

Что жъ, обратиться намъ вспять,
Вспять повернуть корабли,
Чтобы опять испытать
Древнюю скудость земли?

Нѣтъ, ни за что, ни за что!
Значитъ настала пора,
Лучше слѣпое Ничто,
Чѣмъ золотое Вчера!

Вынемъ же мечъ-кладенецъ
Даръ благосклонныхъ наядъ,
Чтобъ обрѣсти, наконецъ,
Неотцвѣтающей садъ.

СЕМИРАМИДА.

Свѣтлой памяти И. Ф. Анненского.

Для первыхъ властителей завиденъ мой жребій,
И боги не такъ горды,
Столпами изъ мрамора въ пылающемъ небѣ
Укрѣпились мои сады.

Тамъ рощи съ цистернами для розовой влаги,
Голубые нѣжные мхи,
Рыбы и танцовщицы, и мудрые маги,
Короли четырехъ стихій.

Все манитъ и радуетъ, все ясно и близко,
Все таитъ восторгъ тишины,
Но каждою полночью такъ страшно и низко
Наклоняется ликъ луны.

И въ сумрачномъ ужасѣ огъ лунного взгляда,
Отъ цѣпкихъ лунныхъ сѣтей,
Мнѣ хочется броситься изъ этого сада
Съ высоты семисотъ локтей.

ЧИТАТЕЛЬ КНИГЪ.

Читатель книгъ, и я хотѣлъ найти
Мой тихій рай въ покорности сознанья,
Я ихъ любилъ, тѣ странные пути,
Гдѣ нѣтъ надеждъ и нѣтъ воспоминанья.

Неутомимо плыть ручьями строкъ,
Въ проливы главъ вступать нетерпѣливо
И наблюдать, какъ пѣнится потокъ,
И слушать гулъ идущаго прилива!

Но вечеромъ... О какъ она страшна,
Ночная тѣнь за шкафомъ, за кіотомъ,
И маятникъ, недвижный какъ луна,
Что свѣтить надъ мерцающимъ болотомъ!

АДАМЪ.

Адамъ, униженный Адамъ,
Твой блѣденъ ликъ и взоръ твой бѣшенъ,
Скорбишь ли ты по тѣмъ плодамъ,
Что ты срываля, еще безгрѣшенъ?

Скорбишь ли ты о той порѣ,
Когда еще ребенокъ-дѣва,
Въ душистый полдень на горѣ
Передъ тобой плясала Ева?

Теперь ты знаешь тяжкій трудъ
И дуновеніе смерти грозной,
Ты знаешь бѣшенство минутъ,
Припоминая слово — «поздно».

И боль жестокую, и стыдъ,
Неутомимый и безстрастный
Который медленно томить,
Который мучить сладострастно.

Ты былъ въ раю, но ты былъ царь,
И честь была тебѣ порукой,
За счастье, вспыхнувшее встарь,
Надменный втрое платить мукой.

За то, что не былъ ты какъ трупъ,
Горѣль, искалъ и былъ обманутъ,
Въ высокомъ небѣ хоры трубъ
Тебѣ гремѣть не перестанутъ.

Въ суровой долѣ будь упрямъ,
Будь хмурымъ, блѣднымъ и согбеннымъ,
Но не скорби по тѣмъ плодамъ,
Неискупленнымъ и презрѣннымъ.

ВОИНЪ АГАМЕМНОНА.

Смутную душу мою тяготить
Странный и страшный вопросъ:
Можно ли жить, если умеръ Атридъ,
Умеръ на ложѣ изъ розъ?

Все, что намъ снилось всегда и вездѣ,
Наше желанье и страхъ,
Все отражалось, какъ въ чистой водѣ,
Въ этихъ спокойныхъ очахъ.

Въ мышцахъ жила несказанная мощь,
Сказка — въ изгибѣ колѣнъ,
Былъ онъ прекрасенъ, какъ облако,—вождь
Золотоносныхъ Микенъ.

Что я? Обломокъ старинныхъ обидъ,
Дротикъ, упавшій въ траву,
Умеръ водитель народовъ, Атридъ,
Я же, ничтожный, живу.

Манитъ прозрачность глубокихъ озеръ,
Смотритъ съ укоромъ заря,
Тягостенъ, тягостенъ этотъ позоръ,
Жить, потерявши царя!

ВАРВАРЫ.

Когда зарыдала страна подъ немилостью Божьей,
И варвары въ городъ вошли молчаливой толпою;
На площади людной царица поставила ложе,
Суровыхъ враговъ ожидала царица, нагою.

Трубили герольды. По вѣтру рвалися знамена,
Какъ листья осенніе, прѣлые, бурые листья,
Роскошныя груды восточныхъ шелковъ и виссона
Съ краевъ украшали литыя изъ золота кости.

Царица была, какъ пантера суровыхъ безлюдій
Съ глазами — провалами темнаго дикаго счастья,
Подъ сѣткой жемчужной вздымались дрожащи
груди,
На смуглыхъ рукахъ и ногахъ трепетали
запястья.

И зовъ ея мчался, какъ звоны серебряной
лютни:
«Спѣшите, герои, несущіе луки и пращи,
Нигдѣ, никогда не найти вамъ жены безпріютнѣй.
Чьи жалкіе стоны вамъ будуть желаннѣй и
слаше.

Спѣшите, герои, окованы мѣдью и сталью
Пусть въ бѣдное тѣло вопыются свирѣпые
гвозди,
И бѣшенствомъ ваши нальются сердца и печалью
И будутъ краснѣй виноградныхъ, пурпuroвыхъ
гроздій.

— Давно я ждала васъ, могучіе, грубые люди,
Мечтала, любуясь на зарево вашихъ становищъ
Идите жъ, терзайте для муки расцвѣтшія груди
Герольдъ пропрорубитъ, не щадите завѣрныхъ
сокровищъ».

Серебряный рогъ, изукрашенный костью слоновой
Но бронзовомъ блюдѣ рабы протянули герольду,
Но варвары съвера хмурили гордыя брови,
Они вспоминали скитанья по снѣгу и по льду.

Они вспоминали холодное небо и дюны,
Въ зеленыхъ трущобахъ веселые щебеты птичъи,
И царственно-синie женскie взоры... и струны,
Которыми скальды гремѣли о женскомъ величии.

Кинѣла, сверкала народомъ широкая площадь,
И южное небо раскрыло свой огненный вѣръ,
Но хмурый начальникъ сдержалъ опѣненную
лошадь,
Съ надменной усмѣшкой войска повернуль онъ
на съверъ.

* * *

Въ мой мозгъ, въ мой гордый мозгъ собрались
думы,
Какъ воры ночью въ тихій мракъ предмѣстій;
Какъ коршуны зловѣщи и угрюмы,
Онѣ, столпившись, требовали мести.

Я былъ одинъ. Мечты мои бѣжали,
Мои глаза раскрылись отъ волненія,
И я читалъ на призрачной скрижали
Мои слова, дѣла и преступленія.

За то, что я холодными глазами
Смотрѣлъ на игры смѣлыхъ и побѣдныхъ,
За то, что я кровавыми устами
Касался усть, трепещущихъ и блѣдныхъ,

За то, что эти руки, эти пальцы
Не знали плуга, были слишкомъ стройны,
За то, что пѣсни, вѣчные скитальцы,
Обманывали, были беспокойны,

За все теперь настало время мести,
Мой лживый, нѣжный храмъ слѣпцы разрушатъ,
И думы, воры въ тишинѣ предмѣстій,
Какъ нищаго во мглѣ, меня задушатъ.

ТЕАТРЪ.

Всѣ мы, святые и воры,
Изъ алтаря и острога,
Всѣ мы — смѣшные актеры
Въ театрѣ Господа Бога.

Богъ возсѣдаетъ на тронѣ,
Смотритъ, смѣясь, на подмостки,
Звѣзды на пышномъ хитонѣ
Позолоченные блестки.

Такъ хорошо и привольно
Въ ложѣ предвѣчнаго свѣта,
Дѣва Марія довольна,
Смотритъ, склоняясь, въ либретто:

— Гамлетъ? Онъ долженъ быть блѣднымъ.
Кайнъ? Тотъ долженъ быть грубымъ...
Зрители внемлютъ побѣднымъ
Солнечнымъ, ангельскимъ трубамъ.

Богъ, наклоняясь, наблюдаетъ,
Къ пьесѣ онъ полонъ участья. —
Жаль, если Кайнъ рыдаетъ,
Гамлетъ извѣдаетъ счастье!

Такъ не должно быть по плану!
Чтобы блюсти упущенія,
Боли, глухому титану
Ввѣрилъ онъ ходъ представленья.

Боль вознеслася горою,
Хитрой раскинулась сѣтью,

Всѣхъ, утомленныхъ и грою,
Хлещетъ кровавою плетью.

Множатся пытки и казни.
И возрастаетъ тревога,
Что, коль не кончится праздникъ,
Въ театрѣ Господа Бога?!

ПОТОМКИ КАИНА.

Сонетъ.

Онъ не солгалъ намъ, духъ печально-строгій,
Принявшій имя утренней звѣзды,
Когда сказалъ: «Не бойтесь вышней мзды,
Вкусите плодъ и будете, какъ боги.»

Для юношей открылись всѣ дороги,
Для старцевъ — всѣ запретные труды,
Для дѣвушекъ — янтарные плоды
И бѣлые, какъ снѣгъ, единороги.

Но почему мы клонимся безъ силъ,
Намъ кажется, что кто-то насъ забылъ,
Намъ ясенъ ужасъ древняго соблазна.

Когда случайно чья-нибудь рука
Двѣ жердочки, двѣ травки, два древка
Соединить на мигъ крестообразно?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Сонетъ.

Моя мечта надменна и проста:
Схватить весло, поставить ногу въ стремя
И обмануть медлительное время,
Всегда лобзая новыя уста;

А въ старости принять завѣтъ Христа,
— Потупить взоръ, посыпать пепломъ темя
И взять на грудь спасающее бремя
Тяжелаго желѣзного креста!

И лишь когда средь оргіи побѣдной
Я вдругъ опомнюсь, какъ лунатикъ блѣдный,
Испуганный въ тиши своихъ путей,

— Я вспоминаю, что, ненужный атомъ,
Я не имѣль отъ женщины дѣтей
И никогда не звалъ мужчину братомъ.

ПОПУГАЙ.

Сонетъ.

Я попугай съ Антильскихъ острововъ,
Но я живу въ квадратной кельѣ мага,
Вокругъ реторты, глобусы, бумага
И кашель старика, и бой часовъ.

Пусть въ часъ заклятій, въ вихрѣ голосовъ
И въ блескѣ глазъ мерцающихъ, какъ шпага,
Ерошать крылья ужасъ и отвага
И я сражаюсь съ призраками совъ...

Пусть! Но едва подъ этогъ сводъ унылый
Войдетъ гадать о картахъ, иль о милой,
Распутникъ въ раззолоченномъ плащѣ, —

Мнѣ грезится корабль въ тиши залива,
Я вспоминаю солнце... и вотще
Стремлюсь забыть, что тайна некрасива.

СОНЬ АДАМА.

Отъ плясокъ и пѣсенъ усталый Адамъ
Заснуль, неразумный, у Древа Познанья,
Надъ нимъ ослѣпительныхъ звѣздъ трепетанья,
Лиловыя тѣни скользятъ по лугамъ,
И духъ его сонный летить надъ лугами,
Внезапно настигнутъ зловѣщими снами.

Онъ видитъ пылающій ангельскій мечъ,
Что жалитъ нещадно его и подругу,
И гонитъ изъ рая въ суровую выногу,
Гдѣ нечѣмъ прикрыть имъ ни бедерь, ни
плечъ...
Какъ звѣри, должны они строить жилище,
Прашай и дубиной искать себѣ пищи.

Обитель труда и болѣзней. но здѣсь
Впервые постигъ онъ съ подругой единство,
Подругѣ — блаженство и боль материнства,
И заступъ ему, чтобы вскапывать весь,
Служеньемъ Иному прекрасны и грубы,
Нахмурены брови и стиснуты губы.

Вотъ новые люди... очерченъ ихъ ротъ,
Ихъ взоры не блещутъ и смѣхъ ихъ слuchaенъ,
За вепрями сильный охотится Каинъ.
И Авель собираетъ маслины и медъ;
Но волѣ не служатъ они патріаршѣй,
Паль младшій и въ ужасѣ кроется старшій.

И многое видитъ смущенный Адамъ:
Онъ тонетъ душою въ распутствѣ и нѣгѣ,

Онъ ищетъ спасенья въ надежномъ ковчегѣ
И строется съюза суровъ и упрямъ,
Медлительный пахарь, и воинъ, и всадникъ...
Но Богъ охраняетъ его виноградникъ.

На бурный потокъ наложилъ онъ узду,
Безсонною мыслью постигъ равновѣсье,
Какъ ястребъ врѣзается онъ въ поднебесье,
У косной земли отнимаетъ руду,
Покорны и тихи, хранятъ ему книги
Напѣвы поэтовъ и тайны религій.

И въ ночь волхованій на пышные мхи
Къ нему для объятій нисходять сильфиды,
Къ услугамъ его отомщать за обиды
И звѣздные духи и духи стихій,
И къ солнечнымъ скаламъ изъ грозной пучины
Влекутъ его челнъ голубые дельфины.

Онъ любитъ забавы опасной игры --
Искать въ океанахъ безвѣстныя страны,
Ступать безразсудно на волчьи поляны
И видѣть равнину съ высокой горы,
Гдѣ съ узкихъ тропинокъ срываются козы
И душныя, красныя клонятся розы.

Онъ любитъ и скрежетъ стального рѣзца,
Дробящаго глыбистый мраморъ для статуй,
И дѣственныя холодъ зари розоватой,
И нѣжный овалъ молодого лица, --
Когда на холстѣ подъ ударами кисти
Ложатся они и свѣтлѣй и лучистѣй.

Устанетъ и къ небу возводить свой взоръ,
Слѣпой и кощунственный взоръ человѣка,
Тамъ, Богомъ раскинуть отъ вѣка до вѣка,
Мерцаетъ надъ нимъ многозвѣздный шатерь,
Святыми ночами, спокойный и строгій,
Онъ клонить колъна и грезить о Богѣ.

Онъ новые мысли, какъ свѣтлыхъ гостей,
Всегда ожидаетъ изъ розовой дали,
А съ ними, какъ новые звѣзды, печали
Еще неизвѣданныхъ думъ и страстей,
Провалы въ мечтаньяхъ и ужасъ въ искусствѣ,
Чтобъ сердце болѣло отъ тяжкихъ предчувствій.

И кроткая Ева, игрушка боговъ,
Когда-то ребенокъ, когда-то зарница,
Теперь для него молодая тигрица,
Въ зловѣщемъ мерцаньи ея жемчуговъ,
Предвѣстница бури, и крови, и страсти,
И радостей злобныхъ и хмурыхъ несчастій.

Такъ золото манить и радуетъ взглядъ,
Но въ золотѣ темныя силы таятся,
Онъ управляетъ рукой святотатца
И въ братскіе кубки вливаютъ свой ядъ
Не въ силахъ насытить, смѣются и мучать
И стонамъ и крикамъ неистовыемъ учать.

Онъ борется съ нею. Коварный, какъ змѣй,
Ее онъ опуталъ сѣтями соблазна,
Вотъ Ева блудница, лепечетъ безсвязно,
Вотъ Ева святая съ печалью очей,
То лунная дѣва, то дѣва земная,
Но вѣчно и всюду чужая, чужая.

И онъ, наконецъ, безпредѣльно усталъ,
Усталъ и смѣяться и плакать безъ цѣли,
Какъ лебеди, стаи вѣковъ пролетѣли,
Играли и пѣли, онъ ихъ не слыхалъ,
Спокойный и строгій на мраморныхъ скалахъ,
Онъ молится Смерти, богинѣ усталыхъ:

«Узнай, Благодатная, волю мою,
На єстества земная, на море земное,
На скорбное сердце мое зарево
Пролей смертоносную влагу свою,

Довольно бороться съ безумьемъ и страхомъ,
Рожденный ихъ праха, да буду я прахомъ!»

И, медленно рѣкъ багровымъ хвостомъ,
Помчалась къ землѣ голубая комета,
И страшно Адаму и больно отъ свѣта
И рветъ ему мозгъ нескончаемый громъ,
Вотъ огненный смерчъ передъ нимъ закрутился,
Онъ дрогнулъ и крикнулъ... и вдругъ
пробудился.

Направо сверкаетъ и пѣнится Тигръ,
Налѣво — зеленыя воды Ефрата,
Долина серебрянымъ блескомъ объята,
Тѣнистыя отмели манятъ для игръ,
И Ева кричитъ изъ весенняго сада —
«Ты спалъ и проснулся. я рада, я рада».

ЖЕМЧУГЪ СЪРЫЙ

...Что жъ! Пойду въ пещеру къ вѣрнымъ
МОЛОТАМЪ,
Ихъ вносятъ надъ горномъ жгуче-пламеннымъ,
Опускать ихъ на пылающій металлъ.

Валерій Брюсовъ.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ОДИССЕЯ.

I. У берега.

Сердце — улей, полный сотами,
Золотыми, несравненными!
Я борюсь съ водоворотами
И клокочущими пѣнами.

Я трирему съ грудью острою
Въ бурѣ бѣшеннай измучаю,
Но домчусь къ родному острову
Съ грозовою сизой тучею.

Я войду въ дома просторные,
Сердце встрѣчами обрадую
И забуду годы черные,
Проведенные съ Палладою.

Такъ! Но кто, подобный коршуну,
Надъ моей душою носится,
Словно манитъ къ року горшему,
Съ новой кручи въ бездну броситься?

Въ корабль раскрылись трещины,
Море взрыто ураганами,
Берега, что мнѣ обѣщаны,
Исчезаютъ за туманами.

И шепчу я, робко слушая
Вой надъ водною пустынею:
— «Нѣтъ, союза не нарушу я
Съ необорною богинею».

II. Избіенъе жениховъ.

Только надъ городомъ мѣсяцъ двурогій
Остро прорѣзаль вечернюю мглу,
Всталъ Одиссей на высокомъ порогѣ,
Въ грудь Антиоха онъ бросилъ стрѣлу.

Чапа упала изъ рукъ Антиоха,
Очи окуталъ кровавый туманъ,
Легкая дрожь... и не стало героя,
Лучшаго юноши греческихъ странъ.

Схвачены ужасомъ, встали другие,
Робко хватаясь за щитъ и за мечъ,
Тщетно! Увѣренны стрѣлы стальнойя,
Злобно-насмѣшлива царская рѣчъ:

«Что-же, князья знаменитой Итаки,
Что не спѣшите вы встрѣтить царя,
Жертвенной кровью священные знаки
Запечатлѣть у его алтаря?»

«Вы истребляли подъ грохотъ тимпановъ
Все, что мнѣ было богами дано,
Тучныхъ быковъ, круглогорихъ барановъ,
Съ кипрскихъ холмовъ золотое вино».

«Льстивыя рѣчи шептать Пенелопѣ,
«Ночью ласкать похотливыхъ рабынь,
Слаще, чѣмъ биться подъ музыку копій,
Плавать надъ ужасомъ водныхъ пустынь!»

«Что? Вы хотите платить за обиды,
Ваши дворцы предлагаете мнѣ?
Я бы не принялъ и всей Атлантиды,
Всѣхъ городовъ, погребенныхъ на днѣ!»

«Звонко поютъ окрыленныя стрѣлы,
Мѣрно блеститъ угрожающій мечъ,
Всѣ вы, князья, и трусливый и смѣлый,
Бѣлою грудой готовитесь лечь.»

«Вотъ Евриахъ, пизкорослый и ручный,
Блѣденъ... блѣднѣе онъ мраморныхъ стѣнъ,
Въ ужасѣ бьется, какъ оводъ докучный,
Юною дѣвой захваченный въ плѣнъ».

«Вотъ Антиномъ... разъяренные взгляды...
Самъ онъ громаденъ и груженъ, какъ слонъ,
Былъ бы онъ первымъ героемъ Эллады,
Если бы съ нами отплылъ въ Иліонъ».

«Падаютъ, падаютъ тигры и лани
И никогда не поднимутся вновь,
Что это? Брошены красныя ткани,
Или, дымясь, растекается кровь?»

«Ну, собирайся со мною въ дорогу,
Юноша свѣтлый, мой сынъ Телемахъ,
Надо служить безпощадному богу,
Богу Тревоги на черныхъ путяхъ».

«Снова полюбимъ влекущую даль мы
И золотой отъ луны горизонтъ,
Снова увидимъ священные пальмы
И опѣненный клокочущій Понтъ».

«Пусть незапятнано ложе царицы,
Грѣшныя къ ней прикасались мечты,
Чайки бѣлѣй и невиннѣй зарницы
Темной и страшной ея красоты.»

III. Одиссей у Лаэрта.

Еще одинъ стариный долгъ,
Мой рокъ, еще одинъ священный!
Я не убійца, я не волкъ,
Я чести сторожъ неизмѣнныи.

Лица морщнистаго черть
Въ умѣ не стерли вихри жизни,
Тебя привѣтствую, Лаэртъ,
Въ твоей задумчивой отчизнѣ.

Смотрю: украсили сады
Холмовъ утесистые скаты,
Какіе спѣлые плоды,
Какъ сладокъ запахъ свѣжей мяты!

Я слезы кротости пролью,
Я сердце къ счастью приневолю,
Я земно кланяюсь ручью
И бѣдной хижинѣ, и полю.

И сладко мнѣ, и больно мнѣ
Сидѣть съ тобой на козьей шкурѣ,
Я вѣрю — боги въ тишинѣ,
А не въ смятены и не въ бурѣ.

Но что мнѣ розовыхъ харитъ
Несчислимыя услады?!
Надъ моремъ всталъ алмазный щитъ
Богини воинозъ Паллады.

Старикъ, спѣша отсюда прочь,
Послѣдній разъ тебя цѣлую.
И снова ринусь грудью въ ночь
Увидѣть бездну грозовую.

Но въ часъ, какъ Зевсовой рукой
Мой черный жребій будетъ вынутъ,
Когда предсмертною тоской
Я буду навзничъ опрокинутъ, —

Припомню я не день войны,
Не праздникъ въ пламени и дымѣ,
Не ласки знойныя жены,
Увы, дѣлимые съ другими,

Тебя, твой мirtовый вѣнецъ,
Глаза, безоблачнѣе неба,
И съ нѣжнымъ именемъ «отецъ»
Сойду въ обители Эреба.

ЗАВѢЩАНЬЕ.

Очарованъ со блазнами жизни,
Не хочу я растаять во мглѣ,
Не хочу я вернуться къ отчиинѣ,
Къ усыпляющей мертвой землѣ.

Пусть вышеоко на розовой влагѣ
Вечерѣющихъ горныхъ озеръ
Молодые и строгіе маги
Кипарисовый сложатъ костерь.

И покорно, склоняясь, положать
На него мой закутанный трупъ,
Чтобъ смотрѣлъ я съ послѣдняго ложа
Съ затаеной усмѣшкою губъ.

И когда заревое чуть тронетъ
Темнымъ золотомъ мраморный моль,
Пусть задумчивый факель уронить
Благовоное пылающихъ смолъ.

И свирѣль тишину опечалить,
И серебряный гонгъ зареветь,
Въ часъ, когда задрожитъ и отчалитъ
Огнѣюшій траурный плотъ.

Словно демонъ въ лѣсу волхованій.
Снова вспыхнетъ мое бытие,
Отъ мучительныхъ красныхъ лобзаній
Зашевелится тѣло мое.

И пока къ пустотѣ или раю
Необорный не броситъ меня,
Я еще одинъ разъ отпилаю
Упоятельной жизнью огня.

ОЗЕРА.

Я счастье разбилъ съ торжествомъ святотатца
И нѣтъ ни тоски, ни укора,
Но каждою ночью такъ ясно мнѣ снятся
Большія, ночные озера.

На траурно-черныхъ волнахъ ненюфары,
Какъ думы мои, молчаливы
И будятъ забытыя, грустныя чары
Серебряно-бѣлые ивы.

Луна освѣщаетъ изгибы дороги
И видѣть пустынное поле,
Какъ я задыхаюсь въ тяжелой тревогѣ
И пальцы ломаю до боли.

Я вспомню, и что-то должно появиться,
Какъ сумрачной драмѣ развязка,
Печальная дѣвушка, бѣлая птица,
Иль странная нѣжная сказка.

И новое солнце заблещетъ въ туманѣ,
И будутъ стрекозами тѣни,
И гордые лебеди древнихъ сказаний
На бѣлые выйдутъ ступени.

Но мнѣ не припомнить. Я, слабый, безкрылый,
Смотрю на ночные озера
И слышу, какъ волны лепечутъ безъ силы
Слова рокового укора.

Прогнусь, и какъ прежде увѣренны губы,
Далеко и чуждо ночное,
И такъ по-земному прекрасны и грубы
Минуты труда и покоя.

СТАРЫЙ КОНВИСТАДОРЪ.

Углубясь въ невѣдомыя горы,
Заблудился старый конвистадоръ,
Въ дымномъ небѣ плавали кондоры,
Нависали снѣжныя громады.

Восемь дней скитался онъ безъ пищи,
Конь издохъ, но подъ большимъ уступомъ
Онъ нашелъ уютное жилище,
Чтобъ не разлучаться съ милымъ трупомъ.

Тамъ онъ жилъ въ тѣни сухихъ смоковницъ,
Пѣсни пѣлъ о солнечной Кастильи,
Вспоминаль сраженья и любовницацъ,
Видѣлъ то пищали, то мантильи.

Какъ всегда былъ дерзокъ и спокоенъ
И не зналъ ни ужаса, ни злости,
Смерть пришла, и предложилъ ей воинъ
Понгратъ въ изломанныя кости.

ПРАВЫЙ ПУТЬ.

Въ мукахъ и пыткахъ рождается слово,
Робкое, тихо проходитъ по жизни,
Странникъ, — оно , изъ ковша золотого
Пьющій остатки на варварской тризнѣ.

Выдешь къ природѣ! Природа враждебна,
Все въ ней пугаетъ, всего въ ней помногу,
Вѣчно звучитъ въ ней фанфара молебна
Не твоему и ненужному Богу.

Смерть? Но сперва эту сказку поэта
Взвѣсь осторожно и мудро исчисли,
— Жалко не будетъ ни жизни, ни свѣта,
Но пожалѣешь о царственной мысли.

Что-жъ, это путь величавый и строгій:
Плакать съ осеннимъ пронзительнымъ вѣтромъ,
Съ нищими нищимъ таиться въ берлогѣ,
Хмурыя думы оковывать метромъ.

ОРЕЛЪ.

Орелъ легълъ все выше и впередъ
Къ Престолу Силь сквозь звѣздныя преддверья
И былъ прекрасенъ царственный полетъ,
И лоснились коричневыя перья.

Гдѣ жилъ онъ прежде? Можетъ быть, въ плѣну,
Въ оковахъ королевскаго звѣринца,
Кричалъ, встрѣчая дѣвшку-весну,
Влюбленную въ задумчиваго принца.

Иль, можетъ быть, въ берлогѣ колдуна,
Когда глядѣлъ онъ въ узкое оконце,
Его зачаровала вышина
И властно превратила сердце въ солнце.

Не все-ль равно?! Играя и маня,
Лазурное вскрывалось совершенство,
И онъ летѣлъ три ночи и три дня
И умеръ, задохнувшись отъ блаженства.

Онъ умеръ, да! Но онъ не могъ упасть,
Войдя въ круги планетнаго движенья,
Бездонная внизу зияла пасть,
Но были слабы силы притяженья.

Лучами былъ пронизанъ небосводъ,
Божественно-холодными лучами,
Не зная тлѣнья, онъ летѣлъ впередъ,
Смотрѣлъ на звѣзды мертвыми очами.

Не разъ въ бездонность рушились мѣры,
Не разъ труба архангела трубила.,
Но не была добычей для игры
Его великолѣпная могила.

ВОРОТА РАЯ.

Не семью печатями алмазными
Въ Божій рай замкнулся вѣчный входъ,
Онъ не манить блескомъ и соблазнами
И его не вѣдаетъ народъ.'

Это дверь въ стѣнѣ давно заброшенной,
Камни, мохъ, и больше ничего,
Возлѣ нищій, словно гость непрошенній,
И ключи у пояса его.

Мимо ъдуть рыцари и латники,
Трубный вой, бряцанье серебра,
И никто не взглянетъ на привратника,
Свѣтлаго апостола Петра.

Всѣ мечтаютъ: «тамъ, у Гроба Божія
Двери рая вскроются для нась
На горѣ Іаворѣ, у подножія
Прозвенитъ обѣтованный часъ».

Такъ проходитъ медленное чудище,
Завывая, трубить звонкій рогъ,
И апостоль Петръ въ дырявомъ рубищѣ,
Словно нищій, блѣденъ и убогъ.

КОЛДУНЬЯ.

Она колдуетъ тихой почью
У потемнѣвшаго окна
И страстно хочетъ, чтобы воочью
Ей тайна сдѣлалась видна.

Какъ бредъ мольба ся безсвязна,
Но мысль, упорна и горда,
Она не вѣдаетъ соблазна
И не отступить никогда.

Внизу. тамъ дремлетъ городъ пестрый
И кто-то слушаетъ и ждетъ,
Но мечъ, увѣренный и острый,
Онъ тоже знаетъ свой чередъ.

На мертвей площади, гдѣ сѣро
И сонно падаѣтъ роса,
Живетъ неслыханная вѣра
Въ ея ночныхъ чудеса.

Но тщетенъ зовъ ея кручины,
Земля все та же, что была,
Вотъ солнце выйдетъ изъ пучины
И позолотить купола.

Ночные тѣни станутъ рѣже,
Прольется гулъ, какъ ропотъ водъ,
И въ сонный городъ вѣтеръ свѣжій
Прохладу моря донесетъ.

И мечъ сверкнетъ, и кто-то вскрикнетъ,
Кого-то приметъ тишина,
Когда усталая поникнетъ
У заалѣвшаго окна.

ВЕЧЕРЪ.

Еще одинъ ненужный день,
Великолѣпный и ненужный!
Приди, ласкающая тѣнь,
И душу смутную одѣнь
Свою ризою жемчужной.

И ты пришла... ты гонишь прочь
Зловѣщихъ птицъ — мои печали.
О, повелительница ночь,
Никто не въ силахъ превозмочь
Побѣдный шагъ твоихъ сандалій!

Отъ звѣздъ слетаетъ тишина,
Блестить луна — твое запястье,
И мнѣ во снѣ опять дана
Обѣтованная страна —
Давно оплаканное счастье.

* * *

Рощи пальмъ и заросли алоэ,
Серебристо-матовый ручей,
Небо, безконечно голубое,
Небо, золотое отъ лучей.

И чего еще ты хочешь, сердце?
Развѣ счастье — сказка или ложь?
Для чего-жъ соблазнамъ иновѣрца
Ты себя покорно отдаешь?

Развѣ снова хочешь ты отравы,
Хочешь биться въ огненномъ бреду,
Развѣ ты не властно жить, какъ травы
Въ этомъ упоительномъ саду?

* * *

У меня не живутъ цветы,
Красотой ихъ на мигъ я обманутъ,
Постоять день, другой, и завянутъ,
У меня не живутъ цветы.

Да и птицы здѣсь не живутъ,
Только хохлятся скорбно и глухо,
А на утро — комочекъ изъ пуха...
Даже птицы здѣсь не живутъ.

Только книги въ восемь рядовъ,
Молчаливые, грузные томы
Сторожатъ вѣковыя истомы,
Словно зубы въ восемь рядовъ.

Мнѣ продавшій ихъ букинистъ,
Помню, быль и горбатымъ и нищимъ...
...Торговалъ за проклятымъ кладбищемъ
Мнѣ продавшій ихъ букинистъ.

ЭТО БЫЛО НЕ РАЗЪ.

Это было не разъ, это будетъ не разъ
Въ нашей битвѣ глухой и упорной:
Какъ всегда, отъ меня ты теперь отреклась,
Завтра, знаю, вернешься покорной.

Но зато не дивись, мой враждующій другъ,
Врагъ мой, схваченный темной любовью,
Если стоны любви будутъ стонами мукъ,
Поцѣлуи окрашены кровью.

СТАРИНА.

Вотъ паркъ съ пустынными опушками,
Гдѣ сонныхъ травъ печальча зыбы,
Гдѣ поздно вечеромъ съ лягушками
Перекликаться любить выпь.

Вотъ домъ, старинный и некрашеный,
Въ немъ словно плаваетъ туманъ,
Въ немъ залы гулкія украшены
Изображеніемъ пейзанъ.

Тревожный сонъ... Но сонъ о небѣ ли?
Нѣтъ! На высокомъ чердакѣ,
Какъ рядъ скелетовъ, груды мебели
Въ пыли почіютъ и тоскѣ.

Мнѣ суждено одну тоску нести,
Гдѣ дѣдъ раскладывалъ пасьянсъ
И гдѣ влюблялись тетки въ юности
И танцевали контредансъ.

И сердце мучится бездомное,
Что имъ владѣеть лишь одна,
Такая скучная и темная,
Незолотая старина.

..Теперь бы кручи необорныя,
Снѣга серебряныхъ вершинъ,
Да тучи сизыя и черныя
Надъ гулкимъ грохотомъ лавинъ!

* * *

Онъ поклялся въ строгомъ храмѣ
Передъ статуей Маданны,
Что онъ будетъ вѣренъ дамѣ,
Той, чьи взоры непреклонны.

И забыль о тайномъ бракѣ,
Всюду ласки расточая,
Ночью былъ зарѣзанъ въ дракѣ
И пришелъ къ преддверьямъ рая.

— «Ты-ль въ моемъ не клялся храмѣ,»
Прозвучала рѣчь Мадонны:
«Что ты будешь вѣренъ дамѣ,
Той, чьи взоры непреклонны?»

«Отойди, не эти жатвы
Собираетъ Царь Всевышній,
Кто нарушилъ слово клятвы,
Въ Царствѣ Божіемъ тотъ лишній.»

Но, печальный и упрямый,
Онъ припалъ къ ногамъ Мадонны:
— «Я никогда не встрѣтилъ дамы,
Той, чьи взоры непреклонны.»

БЕАТРИЧЕ.

1.

Музы, рыдать перестаньте,
Грусть вашу въ пѣсняхъ излейте,
Спойте мнѣ пѣсню о Данте
Или сыграйте на флейтѣ.

Дальше, докучные фавны,
Музыки нѣтъ въ вашемъ кличѣ,
Знаете-ль вы, что недавно
Бросила рай Беатриче.

Странная бѣлая роза
Въ тихой вечерней прохладѣ
Что это? Снова угроза
Или мольба о пощадѣ?

Жиль безпокойный художникъ,
Въ мірѣ лукавыхъ обличій
Грѣшникъ, развратникъ, безбожникъ,
Но онъ любилъ Беатриче.

Тайныя думы поэта
Въ сердцѣ его прихотливъ
Стали потоками свѣта,
Стали шумящимъ приливомъ.

Музы, въ сонетѣ — брилльянтѣ
Странную тайну отмѣтьте,
Спойте мнѣ пѣсню о Данте
И Габріель Россетти.

Въ моихъ садахъ цвѣты, въ твоихъ—печаль,
Приди ко мнѣ, красивою печально,
Заворожи, какъ дымчатой вуалью,
Моихъ садовъ мучительную даль.

Ты — лепестокъ иранскихъ бѣлыхъ розъ,
Войди сюда, въ сады моихъ томленій,
Чтобъ не было порывистыхъ движеній,
Чтобъ музыка была пластичныхъ позъ.

Чтобъ пронеслось съ уступа на уступъ
Задумчивое имя Beатриче
И чтобъ не хоръ мэнадъ, а хоръ дѣвицій
Пѣль красоту твоихъ печальныхъ губъ.

3.

Пощади, не довольно ли жалящей боли,
Темной пытки отчаянья, пытки стыда!
Я оставилъ соблазнъ роковыхъ своеволій,
Усмиренный, покорный, я твой навсегда.

Слишкомъ долго мы были затеряны въ
безднахъ,
Волны — звѣри, поднявъ свой мерцающій гробъ,
Насъ крутили и били въ объятьяхъ желѣзныхъ
И бросали на скалы, гдѣ пряталась скорбь.

Но теперь, словно бѣлые кони отъ битвы,
Улетаютъ клочки грозовыхъ облаковъ,
Если хочешь, мы выйдемъ для общей молитвы
На хрустящій песокъ золотыхъ острововъ.

4.

Я не буду тебя проклинать,
Я печаленъ печалью разлуки,
Но хочу и теперь цѣловать
Я твои уводящія руки.

Все свершилось, о чёмъ я мечталъ
Еще мальчикомъ странно-влюбленнымъ,
Я увидѣлъ блестящій кинжалъ
Въ этихъ милыхъ рукахъ обнаженнымъ.

Ты подаришь мнѣ смертную дрожь,
А не блѣдную дрожь сладострастья,
И меня навсегда уведешь
Къ островамъ совершеннаго счастья.

МОЛИТВА.

Солнце свирѣпое, солнце грозящее,
Бога, въ пространствахъ идущаго,
Лицо сумасшедшее,

Солнце, сожги настоящее
Во имя грядущаго,
Но помилуй прошедшее !

КАПИТАНЫ.

1.

На полярныхъ моряхъ и на южныхъ,
По изгибамъ зеленыхъ зыбей,
Межъ базальтовыхъ скаль и жемчужныхъ
Шелестятъ паруса кораблей.

Быстрокрылыхъ ведутъ капитаны,
Открыватели новыхъ земель,
Для кого не страшны ураганы,
Кто извѣдалъ мальстрѣмы и мель;

Чья, не пылью затерянныхъ хартій, —
Солью моря пропитана грудь,
Кто иглой на разорванной картѣ
Отмѣчаетъ свой дерзостный путь,

И, взойдя на трепещущій мостицъ,
Вспоминаетъ покинутый портъ,
Отряхая ударами трости
Клочья пѣны съ высокихъ ботфорть,

Или, бунтъ на борту обнаруживъ,
Изъ-за пояса рветъ пистолетъ,
Такъ что сыпется золото съ кружевъ,
Съ розозатыхъ брабантскихъ манжетъ.

Пусть безумствуетъ море и хлещетъ,
Гребни волнъ поднялись въ небеса, —
Ни одинъ предъ грозой не трепещетъ,
Ни одинъ не свернетъ паруса.

Развѣ трусамъ даны эти руки,
Этотъ острый увѣренный взглядъ,
Что умѣеть на вражки фелуки
Неожиданно бросить фрегатъ,

Мѣткой пулей, острогой желѣзной
Настигать исполинскихъ киговъ,
И примѣтить въ ночи многозвѣздной
Охранительный свѣтъ мякозъ?

2.

Вы всѣ, палладины Зеленаго Храма,
Надъ пасмурнымъ моремъ слѣдившіе румбъ,
Гоональдо и Кукъ, Лаперузъ и де-Гама,
Мечтатель и царь, генуезецъ Колумбъ!

Ганнонъ Карфагенянинъ, князь Сенегамбій,
Синдбадъ-Мореходъ и могучій Уллісъ,
О вашихъ побѣдахъ гремяты въ диэирамбѣ,
Сѣдые валы, набѣгая на мысь!

А вы, королевскіе псы, флибустьеры,
Хранившіе золото въ темномъ порту,
Сkitальцы арабы, искатели вѣры,
И первые люди на первомъ плоту!

И всѣ, кто дерзаетъ, кто хочетъ, кто ищетъ,
Кому опостылѣли страны отцовъ,
Кто дерзко хоочеть, насмѣшило свищеть,
Внимая завѣтамъ сѣдыхъ мудрецовъ!

Какъ странно, какъ сладко входить въ ваши
грезы,
Завѣтныя ваши шептать имена,
И вдругъ догадаться, какіе наркозы
Когда-то рождала для васъ глубина!

И кажется, въ мірѣ, какъ прежде, есть страны,
Куда не ступала людская нога,
Гдѣ въ солнечныхъ рощахъ живутъ великаны
И свѣтлать въ прозрачной водѣ жемчуга.

Съ деревьевъ стекаютъ душистая смолы,
Узорныя листья лепечутъ: «Скорѣй,
Здѣсь рѣютъ червоннаго золота пчелы,
Здѣсь розы краснѣе, чѣмъ пурпуръ царей!»

И карлики съ птицами спорятъ за гнѣзда,
И нѣженъ у дѣвушекъ профиль лица...
Какъ будто не всѣ пересчитаны звѣзды,
Какъ будто нашъ міръ не открытъ до конца!

3.

Только глянетъ сквозь утесы
Королевскій старый фортъ,
Какъ веселые матросы
Поспѣшатъ въ знакомый портъ.

Тамъ, хвативъ въ тавернѣ сидру,
Рѣчь ведетъ болтливый дѣдъ,
Что сразить морскую гидру
Можетъ черный арбалетъ.

Темнокожія мулатки
И гадаютъ и поютъ,
И несется запахъ сладкій
Отъ готовящихся блюдъ.

А въ заплеванныхъ тавернахъ
Отъ заката до утра
Мечутъ рядъ колодъ невѣрныхъ
Загитые шуллера.

Хорошо по докамъ порта
И слоняться, и лежать,
И съ солдатами изъ форта
Ночью драки затѣвать.

Иль у знатныхъ иностранокъ
Дерзко выклянчить два су,
Продавать имъ обезьянокъ
Съ мѣднымъ обручемъ въ посу.

А потомъ блѣднѣть отъ злости,
Амулетъ зажать въ полу,
Все проигрывая въ кости.
На затоптанномъ полу.

Но смолкаетъ зовъ дурмана,
Пьяныхъ словъ безсвязный летъ.
Только рупоръ капитана
Ихъ къ отплытю призоветъ.

4.

Но въ мірѣ есть иные области.
Луной мучительной томимы,
Для высшей силы, высшей доблести
Они навѣкъ недостижимы.

Тамъ волны съ блесками и всплесками
Непрекращаемаго танца,
И тамъ летитъ скачками рѣзкими
Корабль Летучаго Голландца.

Ни рифъ, ни мель ему не встрѣтятся,
Но, знакъ печали и несчастій,
Огни святого Эльма свѣтятся,
Усѣявъ бортъ его и снасти.

Самъ капитанъ, скользя надъ бездною,
За шляпу держится рукою,
Окровавленной, но желѣзною
Въ штурвалъ вѣпляется — другою.

Какъ смерть, блѣдны его товарищи,
У всѣхъ одна и та же дума,
Такъ смотрять трупы на пожарищѣ
Невыражимо и угрюмо.

И если въ часъ прозрачный, утренній
Плавцы въ моряхъ его встрѣчали,
Ихъ вѣчно мучиль голосъ внутренній
Слѣпымъ предвѣстіемъ печали.

Ватагѣ буйной и воинственной
Такъ много сложено исторій,
Но всѣхъ страшнѣй и всѣхъ таинственнѣй
Для смѣлыхъ пѣнителей моря, —

О томъ, что гдѣ-то есть окраина —
Туда, за тропикъ Козерога! —
Гдѣ капитана съ ликомъ Каина
Легла ужасная дорога.

ЖЕМЧУГЪ РОЗОВЫЙ

— Что твой знакъ? — Прозрѣніе глаза
Дальность слуха, окрыленіе ногъ;“

Вячеславъ Ивановъ.

РЫЦАРЬ СЪ ЦѢПЬЮ.

Слышу гулъ и завыванье призывающихъ роговъ
И я снова конкристадоръ, покоритель городовъ.

Словно рабъ я былъ закованъ, жилъ
 униженный въ плѣну,
И забылъ, неблагодарный, про могучую весну.

А она пришла, ступая надъ рубинами цвѣтовъ,
И, ревнивая, разбила сталь мучительныхъ
оковъ.

Я опять иду по скаламъ, пью студенныя струи,
Подъ дыханьемъ океана раны зажили мой.

Но, вступая, обновленный, въ неизвѣстную
страну,
Ничего я не забуду, ничего не прокляну.

И чтобы помнить каждый подвигъ и
возвышенность, и степь,
Я къ серебряному шлему прикую стальную цѣпь.

ЗАВОДИ.

Н. В. Анненской.

Солнце скрылось на западъ
За полями обѣтованными
И стали тихія заводи
Синими и благоуханными.

Сонно дрогнуль камышъ,
Пролетѣла летучая мышь,
Рыба плеснулась въ омутѣ...
..И направились къ дому тѣ,
у кого есть домъ
Съ голубыми ставнями,
Съ креслами давними,
И круглымъ чайнымъ столомъ.

Я одинъ остался на воздухѣ
Смотрѣль на сонную заводь,
Гдѣ днемъ такъ отрадно плавать,
А вечеромъ плакать,
Потому что я люблю тебя, Господи.

АНДРОГИНЬ.

Тебѣ никогда не устанемъ молиться,
Немыслимо-дивное Богъ-Существо,
Мы знаемъ, Ты здѣсь, Ты готовъ проявиться,
Мы вѣримъ, мы вѣримъ въ Твое торжество.

Подруга, я вижу, ты жертвуюешь много,
Ты въ жертву приносишь себя самое,
Ты тѣло даешь для Великаго Бога,
Изысканно-нѣжное тѣло свое.

Спѣши же, подруга! Какъ духи нагими
Должны мы исполнить старинный обѣтъ,
Шепнуть, задыхаясь, забытое Имя
И, вздрогнувъ, услышать желанный отвѣтъ.

Я вижу, ты медлишь, смущаешься... Что-же?!
Пусть двое погибнутъ, чтобъ ожилъ одинъ,
Чтобъ странный и свѣтлый съ безумнаго ложа,
Какъ фениксъ изъ пламени, всталъ Андрогинъ.

И воздухъ какъ роза, и мы какъ видѣнья,
То близокъ къ отчинѣ своей пилигримъ...
И вѣрь! Не коснется до насъ наслажденье
Бичемъ оскорбительно-жгучимъ своимъ.

КЕНГУРУ.

Утро дѣвушки.

Сонъ меня сегодня не разнѣжилъ,
Я проснулась рано по утру
И пошла, вдыхая воздухъ свѣжій,
Посмотрѣть ручного кенгуру.

Онъ срывалъ пучки смолистыхъ иголъ,
Глупый, для чего-то ихъ жеваль
И смѣшно, смѣшно ко мнѣ запрыгалъ
И еще смѣшище закричалъ.

У него такъ неуклюжи ласки,
Но и я люблю ласкать его,
Чтобъ его коричневые глазки
Мигомъ освѣтило торжество.

А потомъ, охвачена истомой,
Я мечтать усѣлась на скамью:
Что-жъ нейдетъ онъ, дальний, незнакомый,
Тотъ одинъ, котораго люблю!

Мысли такъ отчетливо ложатся,
Словно тѣни листьевъ по утру,
Я хочу къ кому-нибудь ласкаться,
Какъ ко мнѣ ласкался кенгуру.

Ты помнишь, у облачныхъ впадинъ
Въ бассейнѣ серебряныхъ рыбъ,
Аллеи высокихъ платановъ
И башни изъ каменныхъ глыбъ.

Какъ конь золотистый у башенъ,
Играя, вставаль на дыбы
И бѣдный чапракъ былъ украшенъ
Узорами тонкой рѣзьбы.

Ты помнишь, у облачныхъ впадинъ
Съ тобою нашли мы карнизъ,
Гдѣ звѣзды, какъ горсть виноградинъ,
Стремительно падали внизъ.

Теперь, о скажи, не блѣдишь,
Теперь мы съ тобою не тѣ,
Быть можетъ, сильнѣй и смѣлѣе,
Но только чужie мечтѣ.

У насъ какъ точенные руки,
Красивы у насъ имена,
Но мертвой томительной скукѣ
Душа навсегда отдана.

И мы до сихъ поръ не забыли,
Хоть намъ и дано забывать,
То время, когда мы любили,
Когда мы умѣли летать.

МАЭСТРО.

Н. Л. Сверчкову.

— — —

Въ красномъ фракѣ съ галунами,
Надущенный всталъ Маэстро,
Онъ разсыпалъ передъ нами
Звуки легкіе оркестра.

Звуки мчались и кричали,
Какъ видѣнья, какъ гиганты,
И метались въ гулкой залѣ,
И роняли брилліанты.

Къ золотымъ сбѣгали рыбкамъ,
Что плескались тамъ въ бассейнѣ,
И по дѣвичьимъ улыбкамъ
Плыли тише и лилейнѣй.

Созидали башни храмамъ
Голубѣющаго рая
И ласкали плечи дамамъ,
Улыбаясь и играя.

А потомъ съ веселой дрожью,
Закрутившись вокругъ оркестра,
Тихо падали къ подножью
Надущенного маэстро.

ХРИСТОСЪ.

Онъ идетъ путемъ жемчужнымъ
По садамъ береговымъ,
Люди заняты ненужнымъ,
Люди заняты земнымъ.

«Здравствуй, пастырь! Рыбарь, здравствуй!
Васъ зову я навсегда,
Чтобъ блюсти иную паству
И иные невода».

«Лучше - ль рыбы или овцы
Человѣческой души?
Вы, небесные торговцы,
Не считайте барыши.»

«Вѣдь не домикъ въ Галилѣѣ
Вамъ награда за труды, —
Свѣтлый рай, что розовѣ
Самой розовой звѣзды».

«Солнце близится къ притину,
Слышно вѣянье конца,
Но отрадно будетъ Сыну
Въ Домѣ Нѣжнаго Отца».

Не томить, не мучить выборъ,
Что плѣнительнѣй чудесь?!
И идутъ пастухъ и рыбарь
За искателемъ небесь.

СКАЗОЧНОЕ.

Ярче золота вспыхнули дни
И бѣжала медвѣдица-ночь,
Догони ее, князь, догони,
Зааркань и къ сѣдлу приторочь.

Черезъ лѣсь, черезъ ровъ, черезъ гать
Устремилась она къ колдуну,
Чтобъ съ недобрѣмъ гадать, волховать
И губить молодую весну.

Догони ее, князь догони,
Не жалѣй дорогого коня,
Посмотри, усмѣхаются пни,
Въ темныхъ дуплахъ мерцанье огня.

Зааркань и къ сѣдлу приторочь,
А потомъ въ голубомъ терему
Укажи на медвѣдицу-ночь
Богатырскому псу своему.

Мертвой хваткой вѣпляется песъ,
Онъ отваженъ, силенъ и хитеръ,
Онъ звѣриную злобу донесъ
Къ колдунамъ съ незапамятныхъ поръ.

Великая Радость, смѣясь,
На узорное ступитъ крыльцо,
Тихо молвитъ: «люблю тебя, князь,
Для тебя я открыла лицо».

ОХОТА.

Князь вынуль бичъ и кинууль кличъ,
Грозу охогничъихъ добычъ,
И бѣлый конь, душа погонь,
Ворвался въ стынущую сонь.
Ударъ копыть въ сиѣгу шуршить
И звѣрь всгаетъ, и звѣрь бѣжитъ,
Но не спастись ни въ глубъ, ни въ высъ,
Какъ змѣи, стрѣлы понеслись.
Ихъ легкій взмахъ наводить страхъ
На неуклюжихъ россомахъ,
Грызетъ ихъ мѣдь сѣдой медвѣдь
Но все же долженъ умереть,
И легче птицъ, склоняясь ницъ,
Князь ищетъ четкій слѣдъ лисицъ.
Но вечеръ алъ, и князь усталъ,
Прилегъ на мохъ и задремалъ,
Не дрѣмлетъ конь, его не тронь,
Огонь въ глазахъ его, огонь.
И, волкъ равнинъ, подходитъ финишъ,
Туда, гдѣ дремлетъ властелинъ,
А ночь свѣтла, земля бѣла,
Господь, спаси его отъ зла!

* * *

Мнѣ снилось: мы умерли оба,
Летимъ съ упокоеннымъ взглядомъ,
Два бѣлые, бѣлые гроба
Поставлены рядомъ.

Когда мы сказали «довольно»?
Давно ли и что это значитъ?
Но странно, что сердцу не больно,
Что сердце не плачетъ.

Бессильные чувства такъ странны,
Застывшія мысли такъ ясны,
И губы твои не желаны,
Хоть вѣчно прекрасны.

Свершилось! Мы умерли оба,
Летимъ съ успокоеннымъ взглядомъ,
Два бѣлые, бѣлые гроба
Поставлены рядомъ.

ПОКОРНОСТЬ.

Только усталый достоинъ молиться богамъ,
Только влюбленный — ступать по весеннимъ
лугамъ!

На небѣ звѣзды, и тихая грусть на землѣ,
Тихое «пусты» прозвучало и таетъ во мглѣ.

Это покорность! Приди и склонись надо мной,
Блѣдная дѣва подъ траурно-черной фатой!

Край мой печаленъ, затерянъ єъ болот. ой г уги.
Нѣту прекраснѣе края для скорбной души.

Вонъ порыжевшія почки и мокрый оврагъ,
Я для него отрекаюсь отъ призрачныхъ благъ.

Что я: влюбленъ или просто смертельно усталъ,
Такъ хорошо, что мой взоръ, наконецъ,
отблесталъ!

Тихо смотрю, какъ степная колышется зыбъ,
Тихо внимаю, какъ плачетъ болотная выпь.

УХОДЯЩЕЙ.

Не мѣдной музыкой фанфарь,
Не грохотомъ роговъ
Я мой привѣтствовалъ пожаръ
И сонъ твоихъ шаговъ.

— Сковала блѣдная уста
Святая Тишина
И въ небѣ знаменемъ Христа
Сияла намъ луна.

И рокотали соловьи
О Розѣ Горныхъ странъ,
Когда глаза мои, твои,
Заворожилъ туманъ.

И вотъ теперь, когда съ тобой
Я здѣсь послѣдній разъ,
Слезы ни флейта, ни гобой,
Не вызовутъ изъ глазъ.

Теперь душа твоя мертва,
Мечта твоя темна,
А мнѣ все тѣ жъ твердитъ слова
Святая Тишина.

Соединяющій тѣла
Ихъ разлучаетъ вновь,
Но будетъ жизнь моя свѣтла,
Пока жива любоѣ.

СВИДАНЬЕ.

Сегодня ты придешь ко мнѣ,
Сегодня я пойму,
Зачѣмъ такъ странно при лунѣ
Остаться одному.

Ты остановишись, блѣдна,
И тихо сбросиши плащъ,
Не такъ ли полная луна
Встаетъ изъ темныхъ чащъ?

И, околдованный луной,
Окованный тобой,
Я буду счастливъ тишиной,
И мракомъ, и судьбой.

Такъ звѣрь безрадостныхъ лѣсозъ,
Почуявшій весну,
Внимаетъ шороху часовъ
И смотрить на луну,

И тихо крадется въ оврагъ
Будить ночные сны,
И согласуетъ легкій шагъ
Съ движеньемъ луны.

Какъ онъ и я хочу молчать,
Смотрѣть и изнемочь,
Храня торжественно печать,
Твою печать, о Ночь!

И будетъ много свѣтлыхъ лунъ
Во мнѣ и вкругъ меня,
И блѣдный берегъ древнихъ дюпъ
Откроется, мания.

И донесетъ изъ темноты
Зеленый океанъ
Кораллы, жемчугъ и цвѣты,
Дары далекихъ странъ.

И вздохи тысячи существъ,
Исчезнувшихъ давно,
И темный сонъ нѣмыхъ веществъ,
И звѣздное вино.

..Уйдешь, и буду я внимать,
Послѣдней пѣснѣ луны,
Смотрѣть, какъ день встаетъ опять
Надъ гладью блѣдныхъ дюнъ.

МАРКИЗЪ де КАРАБАСЪ.

С. Ауслендеру.

Весенній лѣсъ пѣвучъ и свѣтель,
Черны и радостны поля,
Сегодня я впервые встрѣтилъ
За старой ригой журавля.

Смотрю на тающую глыбу,
На отблескъ розовыхъ зарницъ,
А умный котъ мой ловитъ рыбу
И въ сѣть заманиваетъ птицъ.

Онъ знаетъ слѣдъ хорька и зайца,
Лазейки сквозь камышъ къ рѣкѣ,
И такъ вкусны сорочьи яйца,
Имъ испеченные въ пескѣ.

Когда же роща тьму при кличетъ,
Туманъ уронитъ капли росъ
И задремлю я, онъ мурлычетъ,
Уткнувъ мнѣ въ руку влажный носъ.

— «Мнѣ сладко вамъ служить; за васъ
Я смѣло міру брошу вызовъ,
Вѣдь вы маркизъ де Карабасъ,
Потомокъ самыхъ древнихъ расъ,
Средь всѣхъ отличенный маркизовъ».

«И дичь въ лѣсу, и сосны горъ,
Богатыхъ золотомъ и мѣдью,
И нивъ желтѣющихъ просторъ,
И рыба въ глубинѣ озеръ
Принадлежать вамъ по наследью».

«Зачѣмъ же спите вы въ норѣ,
Всегда причудливый ребенокъ
Зачѣмъ не жить вамъ при дворѣ,
Не єсть и пить на серебрѣ
Средь попугаевъ и болонокъ?!»

Мой добрый котъ, мой котъ ученый
Печальный подавляетъ вздохъ
И лапкой бѣлой и точеной,
Сердясь, вычесываетъ блохъ.

На утро снова я подъ ивой
(Въ ея корняхъ такой уютъ)
Рукой разсѣянно-лѣнивой
Бросаю камни въ дымный прудъ.

Какъ тяжелы они, какъ мѣтки,
Какъ по водѣ они скользятъ!
..И въ каждой травкѣ, въ каждой вѣткѣ
Я мой встрѣчаю маркизатъ.

ПУТЕШЕСТВИЕ ВЪ КИТАЙ.

С. Судейкину.

Воздухъ надъ нами чистъ и звонокъ,
Въ житницу воль отвезъ зерно,
Отданный повару паль ягненокъ,
Въ мѣдныхъ ковшахъ играетъ вино.

Что же тоска намъ сердце гложетъ,
Что мы пытаемъ бытіе?
Лучшая дѣвшка дать не можетъ
Больше того, что есть у нея.

Всѣ мы знаяли злое горе,
Бросали всѣ завѣтный рай,
Всѣ мы, товарищи, вѣримъ въ море,
Можемъ отплыть въ далекій Китай.

Только не думать! Будетъ счастье
Въ самомъ крикливомъ какаду,
Душу исполнить намъ жгучей страстью
Смуглый ребенокъ въ чайному саду.

Въ розовой пѣнѣ встрѣтимъ даль мы,
Насъ испугаетъ мѣдный левъ;
Что намъ пригрезится въ ночь у пальмы?
Какъ опьянять насъ соки деревъ?

Праздникомъ будуть тѣ недѣли,
Что проведемъ на кораблѣ...
Ты ли не опытенъ въ пьяномъ дѣлѣ,
Вѣчно румянный, мэтръ Раблэ?

Грузный, какъ бочки винъ токайскихъ,
Мудрость свою прикрой плащемъ,
Ты будешь пугаломъ дѣвъ китайскихъ,
Бедра обвивъ зеленымъ плющемъ.

Будь капитаномъ! Просимъ! Просимъ!
Вмѣсто весла вручаемъ жердь...
Только въ Китаѣ мы якорь бросимъ,
Хоть на пути и встрѣтимъ смерть!

СЪВЕРНЫЙ РАДЖА.

Валентину Кривичу.

1.

Она простерлась, не живая,
Когда замышленъ былъ набѣгъ,
Ее сковали грусть безъ края
И синій ледъ и бѣлый снѣгъ.

Но и задумчивыя ели
Въ цвѣтахъ серебряной луны,
Всегда тревожный, хотѣли
Святой по-новому весны.

И надъ страной лѣсовъ и гатей
Сверкнула золотомъ заря,
То шли безчисленныя рати
Непобѣдимаго царя.

Онъ жилъ на сказочныхъ озерахъ,
Дитя брилльянтовыхъ раджей,
И радость свѣтлая во взорахъ,
И губы лотуса свѣжѣй.

Но, сына царскаго, на съверъ
Его таинственно влечетъ,
Онъ хочетъ въ полѣ видѣть клеверъ,
Въ сосновыхъ рощахъ желтый медъ.

Гудить земля, оружье блещетъ,
Трубятъ военные слоны
И сынъ полуночи трепещетъ
Предъ сыномъ солнечной страны.

Се—царь! Придите и поймите
Его спасающую сеть,
Въ кипучій вихрь его событій
Спѣшите кануть и сгорѣть.

Легко сгорѣть и встать иными,
Ступить на новую межу,
Чтобъ встрѣтить въ пламени и дымъ
Владыку сѣвера, Раджу.

2.

Онъ всталъ на крайнемъ берегу,
И было хмуро побережье,
Едва чернѣли на снѣгу
Слѣды глубокіе, медвѣжьи.

Да въ отдаленной полынѣ
Плескались рыжіе тюлени,
Да небо въ розовомъ огнѣ
Бросало ровный свѣтъ безъ тѣни.

Онъ обернулся... тамъ, во мглѣ
Дрожали зябнущіе парсы
И, безсилѣвъ, на земль
Валились царственные барсы,

А дальше падали слоны,
Дрожа, стонали, какъ гиганты,
И лился мягкій свѣтъ луны
На ихъ уборы, ихъ брилльянты.

Но людямъ, павшимъ передъ нимъ,
Царь кинулъ гордое рѣшенье:
«Мы въ царствѣ снѣга создадимъ
Иную Индію... Видѣнье».

«На этотъ звонкій синій ледъ
Утесы мрамора не лягутъ
И лотусъ здѣсь не зацвѣтетъ
Подъ вѣковою сѣнью пагодъ».

«Но будетъ бѣлая заря
Пылать слѣпительнѣе вдвое,
Чѣмъ у бирманскаго царя
Костры изъ мирры и алоэ.

«Не бойтесь этой наготы
И пѣсенъ холода и выюги,
Вы обрѣтете здѣсь цветы,
Какихъ не знали бы на югѣ».

3.

И древле мертвая страна
Съ ея нетронутою новью,
Какъ дѣва юная, пьяна
Своей великою любовью.

Изъ дивной Галліи вотще
Къ ней приходили кавалеры,
Красуясь въ бархатномъ плащѣ,
Манили къ тайнамъ чуждой вѣры.

И Византіи строгой рѣчъ,
Ея задумчивыя книги
Не заковали этихъ плечъ
Въ свои тяжелыя вериги.

Здѣсь каждый мигъ была весна
И въ каждомъ взорѣ жило солнце,
Когда смотрѣла тишина
Сквозь закоптѣло оконце.

И каждый мыслилъ: «я въ бреду,
Я сплю, но радости все тѣ же,
Вотъ встану въ розовомъ саду
Надъ бѣлымъ мраморомъ прибрежій».

«И та, которую люблю,
Придетъ застѣнчиво и томно,
Она близка... теперь я сплю
И хорошо у грезы темной».

Живеть законъ священной лжи
Въ картинѣ, статуѣ, поэмѣ —
Мечта великаго Раджи,
Благословляемая всѣми.

№ 18-19. Гр. Ал. К. Толстой. Царь Федоръ
Іоанновичъ.

- № 20. Тэффи.** Стамбуль и солнце.
- № 21. А. П. Чеховъ.** Мелкія пьесы.
- № 22. В. Г. Короленко.** Разсказы.
- № 23. Юрій Слезкинъ.** Чемоданъ.
- № 24-25. Л. Н. Толстой.** Крейцерова соната.
- № 26. И. Ф. Горбуновъ.** Разсказы.
- № 27. А. Н. Апухтинъ.** Лирика.
- № 28. А. П. Чеховъ.** Юморист. разсказы.
- № 29-30. Гр. Ал. К. Толстой.** Царь Борисъ.
- № 31-32. Ф. Достоевскій.** Бѣлые ночи.—
Ползунковъ.—Честный воръ.—Елка и свадьба.
- № 33. Л. Толстой.** Дьяволъ.
- № 34. А. П. Чеховъ.** Дѣтвора.
- № 35. А. И. Герценъ.** Долгъ прежде всего.
(Повѣсть).
- № 36. Бернгардъ Келлерманъ.** Святые.
- № 37. Н. В. Гоголь.** Игроки.—Утро дѣлового
человѣка.—Лакейская.
- № 38. С. Я. Надсонъ.** Стихи.
- № 39. А. П. Чеховъ.** Бытовые разсказы.
- № 40. А. С. Пушкинъ.** Сказки.
- № 41. А. М. Дроздовъ.** Чертополохъ.
- № 42. А. Н. Майковъ.** Стихи.
- № 43. Н. А. Некрасовъ.** Русскія женщины.
- № 44-45. Л. Толстой.** Власть тьмы.
- № 46. А. И. Герценъ.** Русскій народъ и
соціализмъ.
- № 47. Н. С. Лѣсковъ.** Леди Макбетъ Мцен-
скаго уѣзда.
- № 48. Л. Толстой.** Отецъ Сергій.
- № 49. Гр. Ал. К. Толстой.** Лирика.
- № 50-51. Антологія современной поэзіи.**
(Анненскій, Ахматова, Волошинъ, Гумилевъ и др.)
- № 52. Н. С. Лѣсковъ.** Лѣвша.—Пустоплясы.

- 73
- № 53. Л. Толстой. Живой трупъ.
№ 54. М. Ю. Лермонтовъ. Поэмы.
№ 55. Вл. Крымовъ. Странные рассказы.
№ 56. М. Ю. Лермонтовъ. Лирика.
№ 57-58. Поззія революціонной Москвы.
Подъ ред. И. Эренбурга.
№ 59. Владимиръ Соловьевъ. Еврейство
и христіанскій вопросъ.
№ 60. Илья Зренбургъ. Кануны. (Стихи
1915-1921 г.)
№ 61. И. И. Мясницкій. Смѣха, ради.
№ 62. С. Л. Поляковъ. Лабиринтъ.
№ 63. Эдгаръ Поэ. Золотой жукъ.
№ 64. В. Ивановъ. Узоръ старинный.
№ 65. И. Василевский (Не Буква). Лите-
ратурные силуэты.
№ 66-67. Н. Гумилевъ. Жемчуга.
№ 68. Н. Гумилевъ. Дитя Аллаха.
№ 69. Гр. Ал. Нин. Толстой. День Петра.
№ 70. Гр. Ал. Н. Толстой. Прекрасная дама.
№ 71-72. Антологія современной нѣмец-
кой поэзіи.
№ 73. Алексѣй Ремизовъ. Пѣтушокъ.
№ 74-75-76. О. Достоевскій. Записки изъ
подполья.
№ 77. Гр. А. Н. Толстой. Баллады.
№ 78. А. Гольденвейзеръ. Якобинцы и
большевики (психологическія параллели).
-

Цѣна выпуска 4 марки.

(двойные — 8 марокъ).

Для странъ, имѣющихъ высшую, противъ германской
валюту, надбавка въ 100%.

Цѣна 8 марки.